

ЧИТАЙТЕ КНИГИ В СЕРИИ
Д. ГЭБЛДОН:

ЧУЖЕСТРАНКА

Книга 1
ВОСХОЖДЕНИЕ К ЛЮБВИ

ЧУЖЕСТРАНКА

Книга 2
БИТВА ЗА ЛЮБОВЬ

СТРЕКОЗА В ЯНТАРЕ

Книга 1
РАЗДЕЛЕННЫЕ ВЕКАМИ

СТРЕКОЗА В ЯНТАРЕ

Книга 2
ВРЕМЯ СРАЖЕНИЙ

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Книга 1
ЛАБИРИНТЫ СУДЬБЫ

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Книга 2
В ПАЕНУ СТИХИЙ

БАРАБАНЫ ОСЕНИ

Книга 1
НА ПОРОГЕ НЕИЗВЕДАННОГО

БАРАБАНЫ ОСЕНИ

Книга 2
ЗАГАДКИ ПРОШЛОГО

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Книга 1
СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Книга 2
ЗОВ ВРЕМЕНИ

ДЫХАНИЕ СНЕГА И ПЕПЛА

Книга 1
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

ДЫХАНИЕ СНЕГА И ПЕПЛА

Книга 2
ГОЛОС БУДУЩЕГО

ЭХО ПРОШЛОГО

Книга 1
НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

ЭХО ПРОШЛОГО

Книга 2
НА КРАЮ ПРОПАСТИ

ДИАНА ГЭБЛДОН

ЧУЖЕСТРАНКА

Книга 1

ВОСХОЖДЕНИЕ
К ЛЮБВИ

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г 98

Diana Gabaldon
OUTLANDER

Copyright © 1991, 2011 by Diana Gabaldon

Перевод с английского *Л. Лебедевой*

Художественное оформление *С. Власова*

Иллюстрация на переплете *Михаила Петрова*

Гэблдон, Диана.

Г 98 Чужестранка. Книга 1. Восхождение к любви / Диана Гэблдон ; [пер. с англ. Л. Лебедевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Чужестранка. Серил по романам Дианы Гэблдон).

ISBN 978-5-699-78547-6

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера — любви, которой не страшны пространство и время, — завоевала сердца миллионов читателей во всем мире.

Это история женщины, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам.

1945 год. Клэр Рэндолл, четыре года прослужившая медсестрой на фронте, возвращается к мирной жизни и воссоединяется со своим мужем Фрэнком. Они уезжают в Шотландию, чтобы отпраздновать свой второй медовый месяц и отыскать сведения о предках Фрэнка. Но одно мимолетное прикосновение к камню из древнего святилища — и Клэр необъяснимым образом переносится из XX века в 1743 год, в то время, когда Шотландию раздирала кровавая междоусобная война.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Лебедева Л., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-699-78547-6

*Памяти моей матери
Жаклин Сайкс Гэблдон,
которая научила меня читать*

Люди исчезают постоянно. Спросите об этом у любого полицейского. Или, еще лучше, у журналиста. Для журналистов исчезновения — хлеб насущный.

Юные девицы убегают из дома. Дети покидают родительский кров и не возвращаются. Домоправительницы теряют терпение и, прихватив хозяйственные деньги, берут такси до вокзала. Международные финансисты меняют имена и скрываются в дыму импортных сигар.

Многие из пропавших находятся. Так или иначе. Живыми или мертвыми. Исчезновения в конце концов получают объяснение. Как правило.

Часть первая

Инвернесс, 1945 год

Глава 1

НОВОЕ НАЧАЛО

Это было не слишком подходящее место для исчезновений, во всяком случае на первый взгляд. Меблированные комнаты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других таких же пансионов с завтраком в горной Шотландии 1945 года, чистеньких и тихих: обои в цветочек, полы натерты до блеска, в туалетной комнате надо опустить монетку, чтобы потекла горячая вода. Сама миссис Бэйрд была маленькая, толстенькая и очень подвижная; ее ничуть не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает множество своих книжек и газет, без которых для него немыслима никакая поездка, по ее крошечной — обои в розочках — гостиной.

Я встретила миссис Бэйрд в передней, собираясь уходить. Одной пухлой ручкой она ухватила меня за рукав, а другую протянула к моим волосам.

— Миссис Рэндолл, это просто невозможно — выходить на люди с такой головой! Подождите, я немного поправлю, вот так. Уже лучше. Моя кузина говорила мне, что сделала перманент по новому способу, выглядит великолепно и держится — прямо мечта. Может, и вам стоит в следующий раз попробовать...

У меня не хватило храбрости сказать ей, что мои непослушные каштановые кудряшки — всего-навсего ошибка природы, а не результат небрежности искусников от перманента. Туго и аккуратно уложенные волны на голове миссис

Бэйрд свидетельствовали, что к ее прическе отнеслись со всем тщанием.

— Я непременно так и поступлю, миссис Бэйрд, — соврала я. — Я иду вниз в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Высочив за дверь, я быстро зашагала по дорожке, пока она не успела углядеть в моей наружности еще какие-нибудь дефекты. Я четыре года прослужила медсестрой в Королевской армии и, радуясь избавлению от форменной одежды, носила светлые легкие хлопчатобумажные платья, совершенно непригодные для прогулок по вересковым пустошам.

Нельзя сказать, чтобы я загодя планировала много таких прогулок; мечты мои устремлялись совсем к другому: спать подольше по утрам, а по вечерам побольше времени проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако поддерживать соответствующее томно-романическое настроение оказалось не слишком легко из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд орудовала пылесосом поблизости от нашей двери.

— Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, — к такому заключению пришел Фрэнк нынче утром, когда мы с ним еще лежали в постели, а в прихожей неистово ревел пылесос.

— Почти такой же грязный, как изображение нашей хозяйки, — согласилась я. — Может, нам стоило бы перебраться в Брайтон.

Мы получили возможность отдохнуть перед тем, как Фрэнк приступит к своим обязанностям профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше, чем другие области Британии, коснулись ужасы войны, а неистовая веселость послевоенного времени не поразила ее в той степени, как многие другие курортные места.

Кроме того — хоть мы этого и не обсуждали, — для нас обеих горы Шотландии имели некое символическое значе-

ние, если иметь в виду восстановление нашей супружеской жизни; мы поженились семь лет назад и успели провести именно в Шотландии всего два дня нашего медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, — так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбная ловля — наиболее популярные местные виды спорта на вольном воздухе, то излюбленным спортом для закрытых помещений здесь являются сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии часто идут дожди, люди проводят в закрытых помещениях достаточно много времени.

— Ты куда собираешься? — спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

— Ужасно не хочется разочаровывать старушку, — ответил он и, сидя на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно скрипела. Пылесос в прихожей внезапно умолк. Покачавшись минуту или две, Фрэнк испустил громкий театральный стон и с маху откинулся назад, так что пружины матраса возмущенно зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть затаившую дыхание слушательницу за дверью.

Фрэнк зверски нахмурил брови.

— Ты должна стонать в экстазе, а не хихикать, — прошипел он. — Иначе она решит, что я никуда не годный любовник.

— Тебе следовало бы заниматься этим подольше, чтобы услышать экстатические стоны. Две минуты только хихиканья и заслуживают.

— Шлюшка бессердечная! Прошу не забывать, что я сюда приехал на отдых.

— Ты самый настоящий лентяй! Если не будешь усердно трудиться, на твоём генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Кстати, страсть Фрэнка к генеалогии была еще одной причиной, которая привела нас в Шотландию. Если верить некоему грязному клочку бумаги — Фрэнк повсюду таскал его с собой, — то один из его занудных предков имел какое-то отношение к чему-то в этом районе то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

— Если я превращусь в засохший бесплодный сучок на моем фамильном древе, то повинна в этом будет наша неотомимая хозяйка. Ведь мы женаты почитай что восемь лет. Маленький Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях без присутствия свидетелей.

— Если он вообще будет зачат, — пессимистически добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда в горы.

— При таком бодрящем воздухе и здоровой диете? Чем еще мы могли бы этому помочь?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на ланч — сельдь соленую, а сегодня на завтрак, судя по запаху, который доносился снизу, нам должны были подать сельдь копченую.

— Если ты не хочешь дать миссис Бэйрд еще один повод для нотации, — сказала я, — то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, vicar местного прихода, должен был предоставить Фрэнку возможность изучить неотразимо привлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

— А как звали твоего прапрапрадедушку, который крутился где-то в этих краях во время одного из восстаний? — спросила я. — То ли Уилли, то ли Уолтер, не могу вспомнить.

— На самом деле его звали Джонатан.

Фрэнк, в общем, мирно относился к тому, что я не проявляю никакого интереса к истории его семьи, но постоянно был на страже, готовый воспользоваться малейшим проявлением любознательности с моей стороны как поводом для сообщения фактов о прошлом Рэндоллов и об их генеалогических связях. Он застегивал рубашку, а в глазах уже вспыхнул неистовый блеск лектора-фанатика.

— Джонатан Уолвертон Рэндолл — Уолвертоном его называли в честь дяди по матери, второго по старшинству сына рыцаря из Суссекса. Но он был гораздо более известен под лихим прозвищем Черный Джек, которое заслужил в армии, думаю, как раз во время пребывания в этих местах.

Я плюхнулась ничком на постель и притворно захрапела. Фрэнк, не обращая на меня внимания, продолжал свои научные толкования:

— Он приобрел патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и был драгунским капитаном. Судя по этим вот старым письмам, знаешь, которые мне прислала кузина Мэй, в армии он служил хорошо. Недурной вариант для второго сына. Младший из троих братьев, в соответствии с традицией, стал священником, но о нем мне пока что ничего не довелось узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингема за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобитского восстания. — И добавил, обращаясь к равнодушной аудитории: — Ну ты же знаешь, Красавчик принц Чарли и тому подобное¹.

— Я не уверена, что шотландцы поняли, кого они потеряли, — заметила я, усаживаясь на постели и пытаюсь привести

¹Красавчик принц Чарли — одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720—1788), или Младшего претендента, возглавлявшего якобитское восстание 1745—1746 гг. Якобиты — сторонники короля Якова II (правил в 1685—1688) и его наследников. (*Здесь и далее примеч. переводчика.*)

в порядок волосы. — Вчера в пабе я слышала, что бармен называл нас словечком «эсинак».

— А почему бы и нет? — благодушно отозвался Фрэнк. — Это всего-навсего означает «англичанин» или, на худой конец, «чужак», а мы и есть чужаки.

— Я знаю, что это означает. Мне его тон не понравился.

Фрэнк перегнулся через письменный стол за своим брючным ремнем.

— Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. И еще прибавил, что в бочку с настоящим шотландским пивом полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через изрядно изношенную тряпку от нижнего белья.

— А-а, так вот что повлияло на сумму счета!

— Я выразился столь тактично потому, что в гэльском языке¹ нет слова, которое обозначало бы штаны или подштанники.

Я потянулась за собственными трусиками, несколько заинтригованная.

— А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился в мою сторону.

— А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своим килтом²?

— Надеюсь, что не панталончики до колен, как у истых джентльменов, — сухо заметила я. — Может, мне, пока ты будешь резвиться с викарием, пойти поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

¹ Гэ л ь с к и й (иначе гаэльский, шотландский, эрский) язык — один из кельтских языков; распространен в Северо-Западной Шотландии. По происхождению — диалект ирландского языка.

² К и л т — клетчатая шерстяная юбка до колен, национальная одежда мужчин в Шотландии.

— Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декану колледжа Святого Гилберта это наверняка не понравилось бы.

Я не встретила ни одного шотландца в килте, который слонялся бы по городской площади или охранял окружающие ее магазины. Но народу там было порядочно, в основном хранительницы домашнего очага вроде миссис Бэйрд, совершающие покупки. Они были весьма говорливы и явно любили посплетничать; их солидные, облаченные в платья из набивного ситца фигуры делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой — в противоположность холодной утренней измороси на улице.

Я не занималась хозяйством, и покупать мне было почти нечего, но разглядывание товаров, вновь в изобилии появившихся на полках, доставляло огромное удовольствие. Слишком уж долго все выдавалось по карточкам, к тому же приходилось отказывать себе даже в таких обыкновенных вещах, как мыло или яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколона «Голубой час» и говорить нечего.

Я задержалась у витрины с предметами домашнего обихода: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и стаканы, стопка форм для пирогов и набор из трех ваз.

Ваз у меня никогда не было. Во время войны я жила, естественно, в казармах для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее — в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому ничем подобным не обзаводились. Купи я себе какую-никакую вазочку, дядя Лэм натолкал бы в нее своих археологических черепков задолго до того, как я собралась бы поставить в нее хотя бы букетик маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью — для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан — в ученых кругах, в кото-